

Анна Козн, Марк Козн

МАКОВЫЙ ВЕНЕЦ

Том третий

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К76

Коэн А., Коэн М.

К76 Маковый венец / А. Коэн, М. Коэн. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 568 с. — (Luisa Obscura).

ISBN 978-5-521-91397-8

Третий том масштабной альтернативной истории о Европе конца XIX века «Luisa Obscura».

Расплатившись по кровавым долгам, Луиза Спегельграф готова вернуться в Хёстенбург и занять место в свите королевы. Но за улыбками придворных таится лед, и вскоре у девушки появляются враги, а в борьбе за власть ей уготована новая роль — Валькирии Ее Величества.

Олле Миннезингеру почти удалось очистить свое имя — в роскошном господине никто не узнает Крысиного Короля. Но еще больше грязи таится за пределами Угла, и цветочный яд готов разлиться по венам столицы. Олле единственный, кто может остановить бедствие.

Юстас Андерсен утратил имя, любовь и свободу. Все, чем он располагает, это разум прирожденного двойного агента. Путь приводит его к главной тайне последних десятилетий — сговору Слуг государства. Но когда Юстас получит ответы, сможет ли он выбрать верную сторону?

Тем временем поля покрываются алыми брызгами маков, ведь, как гласит легенда, растут они на крови солдат.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Анна Коэн, Марк Коэн, текст, 2021
© Юлия Бетехтина (yuriko_bet), обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021

ISBN 978-5-521-91397-8 © Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА I

Человек в дорогом костюме

На мосту Фридриха Шестого творилось сущее безумие: впереди, у самого выезда на перекресток, перевернулась телега с капустой. Колесо слетело с треснувшей оси, и весь поток экипажей, мобилей, возов и открытых по случаю весеннего денька колясок, встал, как пересоленная каша в горле. Только студенты и курьеры на своих несуразных велосипедах лавировали в этом ржущем, грохочущем, смердящем и сквернословящем заторе и исчезали вдали, наматывая на спицы колес капустные листья. Карл Воренбах провожал их взглядом, полным ненависти.

— Мерзость.

Он не слишком торопился на службу, однако, в последнее время, единственное, что приносило исполняющему обязанности главы Дома Зодчего утешение — это наблюдать за тем, как мир постепенно катится в бездну, и торжествовать: все именно так, как он и предрекал.

— Мерзость какая, — с наслаждением повторил он. — Отвратительный день будет, чует моя печенка.

День герра Воренбаха и правда не задался.

Начать хоть с того, что с утра ему пришлось рассчитать кухарку, проработавшую на него три с лишним года. Готовила проклятушая баба отменно, особенно удавался ей олений окорок под сливочным соусом и крученые булочки с помад-

кой. Но, как оказалось, подворовывала: где мясные обрезки, где с полдюжины яиц.

Или взять, к примеру, его назначение. После Фридриха Кеппеля, раздавленного памятником президенту, после герра Дука. Как вам это — счетовода и в главы? Заседать в парламенте, мучиться одышкой и без конца оправдываться за тот кошмарный случай с ратушей, ставшей местом преступления. Журналисты постарались на славу, ведь жертвой оказалась одна из их братии, и на все лады поносили Дом Зодчего за то, что они, видите ли, недостаточно укрепили ограждение вокруг руин!

Предыдущий глава, Иоганн Дук, под сильнейшим давлением подал в отставку, и с тех пор его должность был вынужден занять Карл, бедолага Карл. Видела бы все это покойная Игритт.

И если бы это только приносило выгоду — но нет! Щедрые взносы казны на восстановление Золотого Квартала значительно сократились после скандала, а в последние две недели и вовсе происходило что-то из ряда вон.

Грузы материалов приходили с задержкой, в них не хватало то камня, то извести, то еще тролль знает чего; рабочие и инженеры увольнялись без объяснений и спешно покидали объекты. А четыре дня назад ночной пожар подчистую уничтожил склад с сотнями тонн заготовленной древесины, только прибывшей из провинции. Удивительно еще, что никто не пострадал, даже сторож, до одури упившийся шнапсом и уверявший, что видел огнедышащего демона. Казалось, чья-то злая воля играла с древнейшей гильдией в кошки-мышки, загоняя в угол.

Начал накрапывать едкий весенний дождик. Впереди наметился просвет, и те экипажи, что были ближе к развилке, начали движение.

— Отвратительно, — в очередной раз вздохнул Карл Воренбах и постучал набалдашником трости в потолок.

Первым делом, оказавшись в кабинете, он стянул перчатки, шелковый шарф, снял благообразный черный коте-

лок и велел секретарю принести себе кофе. С тоской осужденного посмотрел на громадный, полированной вишни, стол, устланный бумагами разной степени бесполезности, и уселся за него. Настало время ждать дурных новостей.

Ждать пришлось недолго.

Едва он успел опустошить первую чашку кофе и прикинуть, во сколько ему обойдется покупка поместья в Шварцбурге у озера, чтобы провести там остаток жизни вдалеке от столичной суеты и гильдейских забот, как его помощник просунул голову в дверь и проблеял, что к герру Воренбаху посетители. Нет, не из банка Дома Весов. Да, срочно.

Мысленно приготовившись к очередной неприятной беседе с подрядчиками, у которых разбежались бригады, Карл промокнул поджатые губы салфеткой, нахмурился и велел впустить визитеров.

Но, когда дверь отворилась повторно, он едва сдержал удивление.

— Доброго утра доброму господину Воренбаху! Воистину, нет ничего приятнее, чем начинать день с кофе и новых знакомств, не так ли? — с порога возвестил незнакомец и приподнял шляпу. — Человек, сделай-ка и нам по чашечке, — повелел он помощнику Карла.

— Доброго утра, герр... Не имею чести...

«Только не пялся, не смей пялиться!» — засуетился внутренний голос счетовода.

Через минуту незнакомец уже сидел в гостевом кресле напротив исполняющего обязанности главы Дома Зодчего, закинув длинные ноги одна на другую и попивая кофе. Он был высок, широкоплеч, темно-русые волосы острижены по последней моде. На нем был костюм, с виду очень дорогой, из иссиня-черного сукна высочайшего качества, с бордовым отложным воротничком-шалью и такими же обшлагами; на ногах у незнакомца поблескивали лакированные туфли с белоснежными гамашами. Неуместно торжественные фиалки выглядывали из петлицы, отражаясь в начищенных пуговицах. Запонки были из оникса неправильной

формы, вправленного в золото. Черных перчаток из тонкой телячьей кожи человек не снял. Видать, у него были на то причины. Как и на все остальное.

«Не пялься!»

Второй визитер, тучный усатый коротышка в клетчатой тройке, совершенно потерялся в тени первого и рассеянно оглядывал убранство кабинета.

— Так все-таки, с кем имею честь? Вы по рекомендации? — промямлил Карл, стараясь не смотреть мужчине в лицо.

— В какой-то степени, — отвратительно бодро отозвался молодой человек. — Мне рекомендовали вас, вашу Гильдию, в качестве чрезвычайно выгодного предприятия для вложения активов.

— Вот как...

Дело принимало все более странный оборот. Мало того, что незнакомец до сих пор не представился, самым возмутительным образом игнорируя правила хорошего тона, так он еще и с порога перешел к делу, размахивая кошельком, судя по костюму, не тощим. Герр Воренбах совсем потерялся.

— Но, пожалуй, вы считаете меня наглецом, — прочел его мысли визитер. — Ведь я до сих пор не назвал себя.

С этими словами он извлек из нагрудного кармана визитку и, на манер игральной карты, метнул ее на стол перед Карлом. Тот двумя пальцами поднял плотный прямоугольник цвета сажки с серебряным тиснением витиеватых букв, поправил очки и близоруко поднес к глазам.

— Уильям Хофман, сын ныне покойного графа Хофмана. Как бы то ни было, титул я не унаследовал, ведь союз моих родителей был в высшей степени морганатическим, но я все же располагаю его средствами, как единственный отпрыск.

Исполняющий обязанности издал неопределенный звук.

«Только морганатических мне не хватало...»

Тем временем, назвавшийся Уильямом Хофманом, продолжал разливаться о непростой судьбе своей матушки, певуньи из безымянной деревушки на Альбионе, повстречавшей благородного господина и потерявшей голову от страсти. Голос, к слову, у него был поставлен превосходно: можно было не сомневаться ни в вокальных данных его матери, ни в том, что каждый конторский служащий из Дома Зодчего уже знает все подробности их беседы. Стервец.

— ...и вот, с тех пор, как скончался мой опекун, а я вступил в возраст, с которого могу распоряжаться средствами из фонда, я ищу, куда могу вложить их и преумножить, — вернулся в прагматичную колею герр Хофман. — Можете быть уверены, я не из тех безответственных наследников, которые проматывают все до гульдена, а после влачат жалкое существование, прикрывая позор отцовским именем. Я — человек дела. И, быть может, — тут он драматично склонил голову и прижал пальцы, обтянутые черной кожей, к губам. — Может быть, отец будет гордиться мной из пиршественного зала в Вальгалле! И поднимет кубок медовухи...

— Я понял вас, — Карл поспешил прервать его словословие. — Что ж, вы кажетесь мне достойным молодым господином, раз так печетесь о чести покойного родителя. Хотя ранее я и не имел удовольствия слышать его имя.

— Это не важно, — властно махнул рукой Уильям. — Перейдем к конкретным цифрам. Ведь вы, кажется, достаточно долго служили в этом Доме счетоводом...

Герр Воренбах вынул из рукава платок и отер вспотевшую шею. Стервец, стервец! Как только пронюхал? Видать, тот, кто рекомендовал ему вложить средства в Гильдию, выдал всю подноготную. Нужно быть осторожнее, ведь не до конца ясно, что еще известно этому узаконенному графскому ублюдку.

По знаку своего господина клетчатый коротышка открыл черный портфель с латунными застежками и извлек из него чековую книжку, на вид совсем новую.

— Итак, для начала, — Уильям Хофман открыл книжку. — Позвольте перо. Благодарю, Карл. — Острие закрипело по бумаге. — Для начала я предлагаю следующую сумму. Позже с вами свяжется мой человек и обговорит следующий взнос и его назначение. Что скажете? — он вырвал чек, протянул его собеседнику и жутко подмигнул.

Карл никак не отреагировал на панибратское обращение. Он более не владел ни своим прерывистым дыханием, ни трясущимися пальцами, ни подслеповато моргающими глазами.

— Это...

— Довольно щедро, я знаю, — улыбнулся Уильям, мать его, Хофман. — И нет, предвосхищая ваш вопрос, я не ошибся в количестве нулей. Данная сумма должна покрыть ваши недавние издержки, связанные с потерей материалов и склада, и еще кое-что останется сверху.

У герра Воренбаха заныло в левом подреберье. Знает, обо всем знает!

Он, наконец, заставил себя посмотреть в лицо странному визитеру, как бы его ни звали на самом деле. Это было лицо не человека, но падальщика, подобравшегося к раненой жертве.

В его обманчиво располагающей улыбке, расслабленной позе и сложенных черных руках бедный Карл явственно читал послание: «Я положу вас всех в карман, а вы и пикнуть не посмеете».

— Думаю, на сегодня мы закончили, — визитер хлопнул себя по острому колену и поднялся с кресла. — Как я и сказал, в течение недели отправлю к вам поверенного. — Он водрузил на голову котелок, поправил кашне и слегка поклонился. — Благодарю за кофе и крайне содержательную беседу, Карл. Вы — славный малый.

Из последних сил герр Воренбах поднялся со своего места, чтобы попрощаться. Во рту было сухо, сердце продолжало дергаться в непристойном темпе.

Уже в дверях мужчина внезапно обернулся, заставив Карла подскокнуть.

— Ах, да, чуть не забыл. Я уже упоминал, что за вычетом компенсации убытков у вас останется еще немало денег. Пока не приключилась очередная досадная неожиданность, я хочу, чтобы они были направлены на конкретный проект.

— Какой же, — едва ворочая языком, выдавил Карл.

— Меня не особо интересуют эти ваши рестораны и прочие очаровательные магазинчики Золотого Квартала. Даже не думайте, — Хофман угрожающе прищурил единственный глаз. — Я хочу, чтобы вы восстановили один театр.

Он был уверен, что едва за ним закрылись двери кабинета несчастного клерка, чье лицо под конец встречи цветом сравнялось с пергаментом, счетовод бросился к потайному шкафчику, где хранил какое-нибудь дорогое пойло. Поэтому человек в костюме распрощался со своим провожатым — все же деловому человеку не к лицу ходить на такие встречи в одиночку — сунув ему сложенную вчетверо лиловую купюру.

— Свободен, — бросил он коротышке, и тот поспешил скрыться из виду.

Дождь кончился, так и не успев разойтись.

Уильям бросил последний взгляд на окна Дома Зодчего и, более не задерживаясь, вскочил на подножку черного экипажа и скрылся за его дверью. Кони тут же тронулись с места.

— Как все прошло? Он взял деньги?

Из полумрака на него таращились зеленые глаза, чей голодный блеск приглушала муаровая вуалетка.

— Золотце, я открою тебе страшную тайну... Нет, сразу две тайны! Во-первых, совершенно не обязательно скрывать личико, если не выходишь из экипажа.

Девушка фыркнула, но вуали не подняла, только руки сложила на груди. Настороженная и воинственная, как всегда.

Возможно, он был излишне суров к напарнице, и до недавнего времени у нее не было ни денег, ни подходящего случая, чтобы примерить такую кокетливую шляпку. Но взаимные шпильки были неотъемлемой частью их диалогов.

— Во-вторых, человек в его положении не отказался бы от денег в таком количестве, даже если бы я высморкался в чек.

— А я бы все равно подстраховалась и потопила ту баржу, — возразила Анхен. — Кто знает, вдруг он вывернется?

— Начнет выворачиваться, тогда подкинем ему проблем. Рано или поздно он уловит связь между пинками и мозговыми косточками. Это неизбежно, — Одноглазый Уилл начал осторожно стягивать тугие перчатки, то морщась, то посвистывая. Под ними обнаружились руки бойца с ободранными костяшками. По левой ладони тянулся длинный порез — остановил лезвие ножа на подлете, сухожилия до сих пор стонали при каждом движении. Если бы не заносчивость Ормунда Бородавки, он бы не сидел в вишневом кабинете, как деревенщина, дорвавшийся до галантереи. — Я куплю его с потрохами.

— Легко разбивать чужую кубышку, — завела старую песню Анхен. — Идея отмыть капитал Теодора, конечно, хороша, но ты выбрасываешь на ветер целое состояние только чтобы впечатлить человека, которого можно было и завалить по-тихому. К чему? И еще большой вопрос — принесет ли это все прибыль. Я-то Грошовую Корону не надевала, решать не мне...

В их странном тандеме ей удавалось уравнивать и остужать его натуру, заставляя думать о последствиях, но иногда скепсис Анхен не вызывал у Уилла ничего, кроме раздражения.

— Я уже объяснял тебе! Вложив деньги, на которых старина Теодор сидел, как полудохлая собака на сене, мы будем